

I.

ЗА КУЛИСАМИ РАЯ

1. Я умираю

«Однажды ты берешь и умираешь».

Источник:

ответ случайного прохожего репортеру.

Итак, я умираю.

Все произошло быстро и сокрушительно.

Внезапно раздался страшный шум. Я обернулся и увидел нос «Боинга-747» (вероятно, из-за забастовки авиадиспетчеров он сбился с курса), который возник в моем окне, протаранил стены, проткнул насквозь мою гостиную, сокрушил всю мебель, испепелил все мои безделушки, надвинулся на меня в своей безумной неудержимости.

Неважно, кто ты, пусть даже искатель приключений, пусть даже воображаешь себя первопроходцем, пионером новых миров: рано или поздно перед тобой встанет проблема, перед которой ты оказываешься бессилён. Во всяком случае, воздушный лайнер, сносящий мою гостиную, стал для меня непосильной проблемой.

Все происходило, как в замедленном кино. В невероятном грохоте, среди рассыпающейся на тысячи кусочков домашней обстановки, в гигантских клубах пыли и гипсового крошева я успел разглядеть лица пилотов. Один был худой и высокий, другой низенький и лысый. На лицах обоих застыло изумление. Наверное, им еще не доводилось доставлять пассажиров

прямиком в жилой дом. Лицо высокого было искажено ужасом, его коллега был охвачен паникой. Грохот не позволял мне расслышать их голоса, но один из них до отказа разинул рот — наверняка в крике.

Я отпрянул, но летящий на полной скорости самолет, тем более «Боинг-747», так просто на месте не замрет. Я зачем-то загородил руками лицо, скроил гримасу, плотно зажмурил глаза. В тот момент у меня еще теплилась надежда, что это вторжение — не более чем страшный сон.

Оставалось ждать. Ожидание было недолгим, не превысило, наверное, и десятой доли секунды, но мне оно показалось нескончаемым. Удар. Меня отшвырнуло, как гигантской оплеухой, и я распластался на стене, прежде чем был перемолот в труху. Затем наступила тишина и темнота. Такие вещи всегда происходят внезапно. Не только ошибки в прокладывании воздушного курса для «Боингов», но и твоя собственная кончина.

Я не хочу умирать прямо сегодня. Я еще слишком молод.

Ничего не видеть и не слышать, осязание тоже отказало. Неважные предзнаменования... Правда, нервная система пока что подает признаки жизни. Возможно, мой организм еще можно оживить. Если повезет, то примчавшиеся вовремя службы спасения снова запустят сердце, скрепят там и сям переломанные конечности. Я буду долго валяться на больничной койке, но постепенно все вернется в прежнюю колею. Мое окружение скажет, что я каким-то чудом выкарабкался.

Так что я жду помощи. Сейчас она придет. Чего они медлят? Я здесь. Не иначе, в этот час повсюду пробки.

Я знаю, что нельзя распускаться. Умереть — значит распуститься вконец. Надо заставить мозг действовать. Ну-ка, думай! Но о чем?

На ум приходит песенка из моего детства:

Жил-был маленький кораблик,
Жил-был маленький кораблик,
Что морей не бороздил,
Что морей не бороздил...

Что еще за слова?..

Ну вот, память тоже объявила забастовку. Библиотека на замке.

Чувствую, мои мозги прекратили работу, но при этом я... продолжаю думать. Декарт ошибался. Можно «больше не существовать», но «все еще мыслить». Я не только мыслю, но и полностью осознаю происходящее. Все происходящее! Никогда еще не был настолько сознательным.

Чувствую приближение чего-то важного. Я жду. Вот оно! Такое впечатление, что... Впечатление, что из меня что-то выходит! Облачко пара. Пар принимает форму моей телесной оболочки. Похоже на прозрачную кальку меня самого!

Это что же, моя «душа»? Просвечивающее «другое я» медленно отделяется от тела, выползает сверху из черепной коробки. Страх во мне борется с возбуждением. Дальше — свободный полет.

«Другое я» наблюдает за своим бывшим телом. Повсюду разбросаны его мелкие куски. Что ж, приходится примириться со случившимся — или отыскать хирурга-фокусника, мастера собирать пазлы... Нет, здесь ничего уже не собрать.

Черт возьми, вот это ощущение! Я лечу. Взрываю вверх.

Серебряная нить еще связывает меня, как пуповина, с брэнной плотью. Полет продолжается, серебряная нить вытягивается.

Жил-был маленький кораблик,
Что морей не бороздил...

Кораблик — это я. Мое тело плывет. Я лечу. Удаляюсь от своего прежнего «я». Теперь я могу лучше разглядеть «Боинг-747». Самолет полностью искорежен. Вижу и свой бывший дом, похожий теперь на тысячелистник: этажи рухнули, смяв друг друга.

Я парю над крышами. Я вознесся на небеса.

Но что я здесь делаю?

Я профессор факультета антропологии в Париже. Думаю, я смогу ответить на ваш вопрос. Похоже на то, что человеческая цивилизация возникла тогда, когда некоторые приматы перестали бросать своих умерших на кучи мусора и начали засыпать их ракушками и цветами. Вблизи Мертвого моря найдены первые оформленные древние захоронения, датируемые еще каменноугольным периодом, примерно 120—140 тысяч лет назад. Это означает, что уже в те давние времена люди верили, что смерть сопровождается неким «волшебным» проявлением. Пытаясь описать это «волшебство», можно отметить, что тогда же зародилось абстрактное искусство.

Позднее художники, пытавшиеся представить «загробную жизнь», стали создавать первые фантастические произведения. Кстати, их вероятной целью было воскресить самих себя...»

Источник:

ответ случайного прохожего репортеру.

Что-то влечет меня вверх: это сказочный свет. Теперь я все узнаю. Что приходит на смену жизни? Есть ли что-то за пределами видимого мира?

Полет над моим городом.

Полет над моей планетой.

Я покидаю зону Земли. Моя серебряная нить растягивается все сильнее и в конце концов рвется.

С этого момента разворот невозможен. Вот и конец моей жизни в шкуре Мишеля Пинсона, милейшего, в сущности, человека, которого угораздило умереть.

В момент прощания с «жизнью» я отдаю себе отчет, что всегда относился к ней как к чему-то, происходящему с другими. Как к легенде. Как к испытанию, от которого сам я могу быть избавлен.

Все в один прекрасный день умирают. Для меня этот день наступил сегодня.

«Думаю, после смерти ничего нет. Вообще ничего. Думаю, бессмертие достигается рождением детей, которые производят на свет других детей, и так далее... Они и несут сквозь время наш огонек».

Источник:
ответ случайного прохожего репортеру.

2. Большой скачок

Я знаю, что у меня нет выбора. Земля превратилась в щепотку пыли вдали. Пожарные уже нашли среди обломков фрагменты моего прежнего тела.

Как ни удивительно, я вроде бы слышу их голоса. «Вот это да! Не каждый день самолет таранит жилой дом... Как прикажешь искать тела в этом месиве из бетона?»

Ну, это уже не моя проблема.

Меня притягивает сказочный свет. Я направляюсь к центру моей Галактики. Наконец, я вижу его — континент мертвых и черную дыру посередине Млечного Пути.

Это похоже на кольцо унитаза, на водоворот внутри, вовлекающий все в неумолимое вращение. Хочется сравнить эту картину с трепещущим цветком, с гигантской орхидеей из завихрений мерцающей пыльцы.

Эта черная дыра втягивает в себя все: солнечные системы, звезды, планеты, метеориты. И меня заодно.

Я вспоминаю карты с континентами мертвецов. Семь Небес. Я причаливаю к Первому Небу. Это синяя территория в форме конуса. Ее достигаешь, преодолевая звездную пену.

«Каждый год на Земле рождаются миллионы людей. Они перерабатывают тонны мяса, фруктов и овощей в тонны экскрементов. Они колышутся, размножаются, умирают. В этом нет ничего необычного, но это и есть смысл нашего существования: Рождаться. Питаться. Колыхаться. Размножаться. И подохнуть.

В процессе всего этого каждый воображает, что представляет важность, так как производит ртом звуки, двигает ногами и руками. Но я говорю: мы мало что значим, наша участь — истлеть и превратиться в пыль».

Источник:

ответ случайного прохожего репортеру.

На пороге континента мертвых, как я теперь вижу, кто-то переминается. Другие мертвые рядом со мной — как несчетные мигрирующие бабочки-монархи, стремящиеся к свету.

Погибшие в ДТП. Казненные по приговору суда. Запытаные до смерти заключенные. Неизлечимые больные. Прохожий-неудачник, на голову которого упал цветочный горшок. Растяпа-турист, принявший гадюку за ужа. Не привитый от столбняка мастер на все руки, уколовшийся ржавым гвоздем.

Некоторые сознательно нарывались на проблемы. Пилоты — любители полетать в тумане, не умевшие пользоваться навигационными приборами. Презирав-

шие лыжню лыжники, не заметившие пропасть. Парашютисты с загоревшимися парашютами. Нерадивые дрессировщики диких зверей. Мотоциклисты, решившие, что успеют обогнать грузовик.

Все это — дневная жатва смерти. Я приветствую всех.

Совсем рядом, почти касаясь меня, парят узнаваемые силуэты. Роз, моя жена! Амандин, моя бывшая любовница!

Я вспоминаю.

Они находились рядом, в соседней комнате, в тот момент, когда в наш дом в Бют-Шомон врезался «Бойнг-747». С ними я пережил захватывающее приключение «танатонавтов».

От слов «танатос», означающее «смерть», и «нотес» — «штурман».

Этот термин предложил мой друг Рауль Разорбак. Появление одного слова потянуло за собой целую науку. А науке всегда нужны пионеры. Мы построили танатодромы, дали старт танатонавтике.

Нашей целью было разведать «загробную *Terra incognita*». И мы ее достигли. Мы приподняли занавес, скрывавший последнюю великую загадку — тайну смысла человеческой смерти. Без ее упоминания не обходилась ни одна религия, ее описывали в более-менее точных метафорах все мифы, но мы стали первыми, кто заговорил о ней как об открытии «обыкновенного» континента.

Мы боялись, что не сумеем довести начатое до конца. Рухнувший как будто случайно на наш дом «Бойнг-747» — доказательство того, что мы все-таки создали помехи «наверху».

Я снова вижу открытое нами... Но у меня билет только в одну сторону. Оковы пали, но я знаю, что в этот раз возврат в прежнее состояние неосуществим. Нас тро-

их несет в неумолимо сужающееся жерло водоворота. Мы стремительно пересекаем эту первую территорию и оказываемся перед стеной в виде рыхлой, но непроницаемой мембраны. По примеру числа Маха, первой звуковой стены, мы с друзьями назвали первую стену смерти «Мох-1». Сегодня мы преодолеваем ее вместе.

Я при этом колеблюсь, другие нет. Что ж, последую за ними. Нас встречает...

Скандал. Настоящий скандал! Я — санитар в службе паллиативной помощи. Вынужденный сопровождать агонию обреченных, я разработал свое собственное отношение ко всему этому. По-моему, все происходящее недопустимо. Мы делаем вид, будто смерти не существует. Однажды внуки видят, как «Скорая» увозит их деда в больницу. После этого они не видятся несколько недель, и вот как-то утром раздается телефонный звонок с сообщением: он скончался. В результате новые поколения не видят настоящей смерти. Поэтому внуки, повзрослев, а потом состарившись и оказавшись в свой черед перед воротами смерти, паникуют. Речь ведь идет не только об их исчезновении, но и о полной неизвестности. Если от меня ждут совета для внуков, то вот он: «Не бойтесь навещать в больнице ваших дедов и бабок! Вы получите там величайший урок... жизни».

Источник:
ответ случайного прохожего репортеру.

Преодолев первую стену, я оказываюсь... на Втором Небе. Это черная территория, юдоль страха.

Страхи материализуются в виде ужасов, выползающих из закоулков моего воображения. Тьма. Дрожь. Меня подстерегают чудища-шутники и нешуточные демоны.

На девяти карнизах, один круче другого, я встречаюсь с самыми жуткими своими кошмарами. Но негаснущий луч света продолжает вести меня вперед.

Я сталкиваюсь в полутьме лицом к лицу со всеми своими страхами. И вновь передо мной дверь, непроходимая перепонка. «Мох-2». Преодолев ее, я попадаю в...

«Я вдова, я не отходила от мужа до последних дней его жизни. Это происходило в пять этапов. Сначала он отказывался умирать. Требовал, чтобы мы продолжали жить, как раньше, говорил, что выздоровеет и вернется домой. Потом, когда врачи сказали ему, что он неизлечим, он впал в ужасную ярость. Казалось, ему необходим виноватый. Он обвинял своего лечащего врача в никчемности. Меня обвинял в том, что я положила его в плохую больницу, в том, что зарюю на его деньги и намеренно ускорю его конец, чтобы побыстрее получить наследство. Все были у него виноваты в том, что отвернулись от него, что недостаточно часто его навещают. Честно говоря, таким неприятным поведением он даже у детей отбил желание к нему ходить. Но позже он успокоился и перешел в третью фазу, назовем ее «фазой продавца ковров». Это смахивало на торговлю: ладно, я обречен, но мне хотелось бы дожить до следующего своего дня рождения или по крайней мере до очередного чемпионата мира по футболу. До полуфинала или хотя бы до четвертьфинала...

Поняв, что все по-настоящему плохо, он впал в депрессию. Это было ужасно. Он не хотел разговаривать, отказывался от еды. Разом все отверг. Он больше не боролся, полностью лишился энергии. Он походил на нокаутированного боксера, пропустившего удар, отброшенного на канаты и ждущего последнего удара.